

«Я ни к кому не питаю зла и готов пожечь в Москве каждую протянутую мне руку», — сказал корреспондентам «Известий» Мстислав Ростропович.

Это было первое интервью, которое великий музыкант дал советским журналистам после 1974 года — с тех пор как он и его жена Галина Вишневская вынужденно покинули Родину. «Мы оказались за границей без надежды увидеть родных и близких», — сказала Галина Павловна. В 1978 году супруги были лишены советского гражданства, недавно оно восстановлено.

— Для миллионов и миллионов почитателей вашего таланта возвращение вам гражданства — подлинный праздник. Кого же поздравлять с первой очередью — вас, их?

Галина Вишневская: Хочу поздравить советский народ — с тем, что он дожидался до того времени, когда советское правительство начинает разговаривать с людьми человеческого языком... Гражданство вообще никогда не должно было быть отнято. На Западе — немало людей, которые были насильно лишены гражданства, — как мы со Славой, как Солженицын, Максимов, Войнович, Владимов, Некрасов. Уезжали люди, а через несколько месяцев, вдогонку — Указ о лишении гражданства. Что тут вам объяснять? В те времена это означало, что вы больше никогда не приедете домой. У вас отбирали дом, отбирали родственников. Навсегда.

— В феврале вы едете в Россию? С каким чувством?

Мстислав Ростропович: Знаете, я никогда еще в своей жизни не испытывал более сложного душевного процесса. Такого, как испытываю сейчас, после того как мне и моей жене возвращено советское гражданство. Первое, что мы сделаем — пойдем на кладбище. Мы хотим видеть людей, которых потеряли за эти 16 лет, поклониться им. Поклониться величайшему гению музыки Шостаковичу, с которым мы прощались перед отъездом в 1974 году. При прощании он сказал: «На чьих руках вы с Галей оставляете меня умирать?» Он умер на следующий год...

Поклониться Хачатуряну. Человеку, которого я бы обнял с удовольствием... Когда мы уехали и были преданы анафеме, Хачатурян написал сонату-фантазию для виолончели соло. Конечно, о том, чтобы издать ее в Союзе с посвящением мне, не могло быть и речи. Но все-таки он прислал мне один экземпляр и написал своей рукой: «Посвящаю Мстиславу Ростроповичу»... Как-то он был в Антверпене, и я приехал туда. Узнал, где он остановился. Прихожу в гостиницу. А мне говорят: велел ни в коем случае не будить. На дверях номера — табличка: «Не беспокоить». Я знаю, Арам Ильич — человек восточный. Можно напориться на его гнев. Но я начал стучать кулаками. Арам Ильич появился в дымчатой рубашке — он спал. У него глаза стали вот такие огромные. Потом он мне сказал, что подумал, будто он во сне. В дальнейшем нельзя верить. Но я расскажу. Он упал на колени. Он сказал: «Слава, умоляю вас, вернитесь! Я хочу вас видеть!» А я ему ответил: «В качестве кого? В качестве врага советского народа?»

Моя поездка будет для меня трудной. Я не увижу людей, которых обожал. Я чувствую это как свою вину. Да тот же Арам Ильич — незадолго перед отъездом из России вышел я как-то во двор. Встретил его. Он плачет. Настоящими слезами плачет. Я говорю: «Арам Ильич, почему вы плачете?» А он отвечает: «Вы знаете, Слава, я послушал свои сочинения, которые написал до 1948 года. Если бы меня тогда не остановили, как бы я далеко ушел». Мы, наша страна, отняли гениальнейшие произведения у всего мира. Недавно Галя сделала пластинки, пела «Леди Макбет», пела «Войну и мир». Это шедевры. Сколько бы эти композиторы могли еще написать? ...Я не хочу особенно много дискутировать по поводу политики. Конечно, мы читаем все, мы участвуем в том, что происходит в нашей стране. Но мы не спецы. Когда читаем, кажется, что все так здорово. Люди высказывают позитивно. А когда приезжают оттуда, то говорят нам: «Стало настолько плохо и опасно» и т. д.

Мы хотим быть во всем честными. И потому не будем высказывать свою точку зрения о том, в чем сами сомневаемся, не будем высказываться ни о политике, ни об экономике. Мы только молим Бога, чтобы все обошлось бескровно. Все обошлось хорошо.

Хочется только одного: чтобы народ жил свободно, народ заслуживает этого.

Г. В. Когда мы были лишены гражданства, все было конечно. Мы жили в состоянии, что никогда больше не увидим Россию. У нас здесь две дочери, родились внуки, два внука, Иван и Сергей. Они американцы. Едим мы, конечно, не как советские граждане. Гражданства определенного мы не брали, у нас есть швейцарские паспорта для иностранцев, есть паспорта Монако. Так что мы едем в Россию как граждане мира, но уже не как враги народа.

М. Р. Едем на свою Родину.

Г. В. Едем к себе домой.

М. Р. Кстати сказать, у меня никогда не было ощущения, что у меня отобрали Родину. Отобрать Родину нельзя. Она в душе. Отбрали возможность приехать в эту страну, но отобрать Родину невозможно. Это дано Богом. Это наша страна и наша земля. И нет там людей, кто может вам ее дать и кто может у вас ее отобрать.

— Нескольким деликатным вопросам на следующий день после того как состоялось решение о возвращении гражданства, газета «Вашингтон пост» опубликовала сообщение, в котором процитировано ваше, Мстислав Леопольдович, выска-

зывание о том, что ваша жена «не прощает».

Г. В. Если ты сказал, что я не прощаю, то ошибся. Я не забываю. Плохо это или хорошо, но память у меня действительно очень хорошая. Я помню всю свою жизнь. И память дана человеку для того, чтобы он все помнил.

— Вы великие артисты, вы знаете, что такое слава. Представляете ли вы, какой шквал восторга, признательности, уважения встретит вас в России?

М. Р. Да, мы это понимаем. Потому что перестройка и то новое, что сейчас появляется, дает возможность людям проявить себя. Люди не боятся. Нужно сказать, что первое время, когда мы здесь жили, к нам ходили люди. Скажем, Эмиль Гилельс. Мы с ним встречались, но как-то подпольно, чтобы не на виду... Как-то я прочитал

— Много уникальных деятелей советской культуры оказалось за рубежом. Но пустого пространства не бывает. Кого из нового поколения советских музыкантов вы считаете особенно интересными?

М. Р. Очень много людей, с которыми я не был близок, но которые приходят на вершину. Например, Софья Губайдулина. Это человек исключительного таланта. Я прежде не знал ни ее сочинений, ни ее по-настоящему. Она выдающийся композитор. Очень сожалею, что в то время, когда я уехал, не был по-настоящему знаком с Альфредом Шнитке. А он просто гениальный композитор. Я был знаком, и очень счастливым, с Родионом Щедриным — замечательный композитор, великий композитор, который слишком много, с моей точки зрения, занимался общественной работой. А его нужно бы побережить для настоящего, большого творчества. Возникают люди, которых в то время я не знал. В то время не пользовались таким успехом, как ныне, Юрий Башмет и Володя Спиваков. Они только начинали свою карьеру... Когда меня выкинули из Большого театра,

очень хорошо знал. В Ленинграде первая программа начинается с произведения очень молодого американского композитора Стивена Альберта, который написал симфонию по нашему заказу, мы были первыми исполнителями. Он получил за нее Пулитцеровскую премию. Мы сыграем только первую и последнюю части, автор будет присутствовать на исполнении. А во втором отделении мы будем играть мою самую любимую симфонию Шостаковича — номер восемь. На втором выступлении в Ленинграде мы повторим второй концерт в Москве.

— Но можно надеяться, что когда-нибудь вами будет исполнен «Раек»?

М. Р. Да, я мечтал об этом. Но, дорогие мои, золотые мои, мы едем туда на четыре дня! На четыре дня после шестнадцати лет! Очень это мало... А ситуация была такой: ведь Галя вообще не собиралась туда ехать, а я — только как руководитель оркестра. Такие планы были до тех пор, пока не совершилось этого акта — акта нашей реабилитации...

— Опять несколько деликатный вопрос: в Шереметьево-2 заполняете декларацию, в графе «гражданство» что вы поставите?

М. Р. Вы знаете, я уже заполнял подобную графу. Была такая графа: «Лишались ли вы гражданства. Если лишались, то по каким причинам?» Написал: лишен в таком-то году советского гражданства по причине того, что хотели быть честными и любили свой народ. Эту графу заполнил собственноручно, остальное было напечатано. Я считаю, что после этой акции (возвращение гражданства. — Ред.) я должен часть своих сил возвратить своему народу. Я счастлив за всех — за себя, за тех людей, которые этого добились, я счастлив, что произошло это при моей жизни. Я счастлив, что при моей жизни я имею возможность приехать на Родину, помогать по мере своих сил. Все деньги за мои четыре концерта, которые будут принадлежать мне лично, я отдаю на приобретение одноразовых шприцев. Речь идет о сумме в 50 тысяч долларов.

— Что вы чувствуете по отношению к стране, где вы живете?

М. Р. Глубокую благодарность, так же, как и Галя. Я не живу в Америке, я не живу во Франции. Я живу в той половине мира, которая называется Западом. Еще недавно это была только половина. Но идут новые события... в пятницу, одиннадцатого ноября мне звонят и говорят: смотрите скорее телевизор! А я не смотрю телевизора никакого, кроме советского. Включаю, там люди тащут камни со стены. Берлинская стена! Рушится берлинская стена! У нас полились слезы. На следующее утро я с виолончелью сел у стены и начал играть Баха. Потому что даже для немцев эта стена может значить меньше, чем для нас с Галей. У нас за эти шестнадцать лет в этом мире, западном, появилось такое количество людей, которые к нам замечательно относились, которые помогли нам сделать заново нашу жизнь. Я не могу сказать, что этот Запад загнанный... Я никогда не смогу сказать этого.

Г. В. Уже и в России не говорят этого. Что ж ты-то должен говорить?

М. Р. Берлинская стена — для меня символ. Символ двух враждующих половин планеты... С одной стороны, как-то звучит странно: нам возвращают гражданство, а мы не торопимся схватить паспорт... Но если вы поймете духовную сторону этого вопроса и технического, то и будет ясно, почему в своем заявлении, сразу после возвращения гражданства, мы сказали: «пока... пока не можем менять нашу жизнь». Но будут найдены пути. Во всяком случае сейчас найден контакт с Родиной.

Г. В. Я думаю, что если бы в России народ, правительство, партия пришли к тому дню, когда друг у друга все должны попросить прощения, вот тогда было бы дело. А пока они этого не сделают, так и будут топтаться на одном месте. Надо очистить душу, а для этого надо попросить друг у друга прощения. Другого выхода нету.

М. Р. У меня очень твердое ощущение: я приезжаю в Советский Союз и не имею там ни одного врага. Я знаю людей, которые ко мне плохо относились, но, может, они покалели сами в своей душе. Но нет там человека, которому я не подал бы руки. Нет такого человека. Акция, которая сейчас произошла, — она все другое уничтожила.

Руку подам всем. Нельзя истить за то, что признано ошибкой. Это форма извинения. Пройти через это мне будет очень трудно. Через это возвращение. Духовно очень трудно. Попасть в свою колыбель и не увидеть тех людей, которые тебя ждали там — и не дождался. Это очень трудно. Но, может быть, выживу в конце концов.

...Самолет авиакомпании «Эр-Франс», которым музыканты Национального симфонического оркестра и их художественный руководитель Мстислав Ростропович с супругой Галиной Вишневской прилетят в Москву из Токио, должен будет совершить посадку в Шереметьево 11 февраля в три часа сорок минут.

А. БЛИНОВ,
В. НАДЕИН,
А. ШАЛЬНЕВ,
соб. корр. «Известий».

ВАШИНГТОН.

МСТИСЛАВ РОСТРОПОВИЧ:

МЫ БЫЛИ ЧЕСТНЫМИ И ЛЮБИЛИ СВОЙ НАРОД

письма читателей, напечатанные в «Советской культуре». Как-то дама писала: «Вот сейчас начинаю, так сказать, заигрывать с эмигрантами. Нам не нужны такие, как Барышников и Ростропович». Знаете знаменитый анекдот о том, что человек то ли украл пальто, то ли у него украли. Фактик этот попал в дело, и о нем все время вспоминали, когда нужно было справлять характеристику: кто знает, говорили, может, там чего и было, не случайно же молва идет... И к Сахарову было такое же отношение. Я обожаю этого человека. Мы с Галей стояли на улице в демонстрации у советского посольства, когда его отправили в Горький. Просто стояли в толпе, плакали... Мне так хотелось его обнять. И вот опять же судьба так распорядилась, что не смогу я этого сделать.

— Вы продолжаете следить за культурной жизнью в Советском Союзе. Известно ваше высказывание о высоком уровне музыкального образования в СССР. Придерживаетесь ли вы и сейчас этой оценки?

М. Р. Абсолютно да. Конечно, система музыкального образования у нас лучшая. Это вне всякого сомнения. Но в системе работают люди. Поэтому иногда бывает так, что система замечательная, а что-то не получается.

— Если вам предложат вдруг профессию в Московской консерватории — согласитесь?

М. Р. В консерватории я преподавал больше двадцати лет, четырнадцать из них был профессором. И в Ленинградской консерватории свыше семи лет. Но сейчас структура жизни у меня иная. Мне тут недавно позволили из Большого, хотели, чтобы девятнадцатого мая я дирижировал «Евгением Онегиным». А я вам покажу свой календарь. Там по девяносто второй год включительно — включительно! — каждый день расписан. И нарушить расписание сложно. Можно, конечно, изыскать четверть денечка. Я не смогу утратить до девяносто второго года, чтобы не приехать еще раз на Родину. Я и Галя будем, конечно, стараться сделать это. Свои силы и свою душу я хочу посвятить своим соотечественникам. Будем стараться приезжать, давать концерты, встречаться с людьми. Может, сделаем в будущем большие хорошие вещи, оперу поставим, что-нибудь такое, значительное. Но сейчас это технически невозможно сделать. Есть обязательства, которые не могут быть нарушены.

— В России, на вашей даче в Жуковке, у вас жил Александр Исаевич Солженицын. Вы сейчас продолжаете поддерживать контакт с ним?

М. Р. Поддерживаю очень дружеские контакты, потому что мы, как говорится, товарищи по несчастью, и это уже ничем неразрушимо.

— «Новый мир» опубликовал «Архипелаг ГУЛАГ». Солженицын становится одним из наиболее печатаемых авторов.

Г. В. Однако ему еще не вернули гражданство. Вот вы говорите, что напечатан «Архипелаг ГУЛАГ». Казалось бы, почему не вернуть ему гражданство, не уничтожить этот позорный Указ о лишении его гражданства? Это говорит о том, что не идет, а продвигается демократизация. Продвигается сквозь стены...

М. Р. О Солженицыне. Я упомянул в одном из заявлений его имя. Вы знаете, у него особое положение даже по сравнению с нами, потому что, когда нас выперли, нам в общем не было предъявлено каких-либо обвинений. А Солженицыну было предъявлено официальное обвинение прокуратурой.

последним пристанищем, к которому я кинулся, был театр оперетты. Оркестр там был очень плохой, не могу назвать его академией классической музыки. Я бросил клич студентам консерватории: братцы, приходите, помогите. Студенты стали помогать. И обратил я внимание на одного альтиста, черненький, худенький такой, сзади в оркестре сидел. «Слушай, — говорю я ему. — А как ты здорово играешь! Ну-ка иди сюда. Вперед». Вот это и был Башмет. Но совсем молодое поколение? Его я не знаю.

— Может ли серьезное искусство выжить без государственной дотации?

М. Р. Думаю, серьезное искусство без государственной поддержки вообще не может существовать.

Г. В. А твой оркестр как существует?

М. Р. На пожертвования... Я считаю, что без помощи государства искусство существовать не может. Я добиваюсь этого и в Америке, а американцы мне говорят: если государство начнет помогать, оно начнет диктовать и воздействовать. Рецепт дать нельзя. Нужно только сказать: запрещать — это значит помогать. Почему такой наплыв рок-музыки в Советский Союз? Потому что была она запрещена. Если бы не было запрета, то все бы шло нормально, отмирало само собой. Талантливое оставалось, а остальное отмирало.

— У вашего оркестра, если я не ошибаюсь, дефицит в полтора-два миллиона долларов?

М. Р. Если вас интересуют цифры, скажу вам: при полной продаже билетов на сумму в два миллиона долларов. У нас бюджет в четырнадцать миллионов... А гастроли в Москву мы покрываем нашими спонсорами, потому что Советский Союз не в состоянии оплатить наши четыре концерта. И на эти концерты мы получаем полмиллиона долларов. От спонсоров.

— Вы говорили, в Союзе в вашей программе будет Шостакович. Вы «Раек» будете исполнять?

М. Р. Нет, потому что нету времени. Я должен показать американскую музыку и американских исполнителей, как они умеют исполнять русскую музыку. Потому что это я считаю своей заслугой. Начинаем первый концерт с адажио Барбера. Я Барбера очень хорошо знал лично, это был мой друг, у нас с ним была переписка. Это единственное американское сочинение, которое может ввести в исполнение патетической симфонии Чайковского. Патетическая симфония для меня — это звено в цепи, потому что десятого мая 1974 года в моем последнем концерте, разрешенном в Советском Союзе, я дирижировал этой симфонией. Во втором отделении концерта оркестр будет играть Пятую симфонию Шостаковича. Я считаю, что это сочинение — творение человеческого духа, творение, которым Шостакович говорит: «Я — человек». Он же написал эту симфонию после разгрома «Екатерины Измайловой». Это выстраданная симфония. Это такая исповедь страданий человеческих, что когда я дирижирую ею, у меня слезы текут. Когда я дирижирую, я вижу лицо Шостаковича. Я чувствую его руки, я чувствую его, как живого.

Я не еду в Россию в качестве виолончелиста. Я еду как дирижер, но не сыграть не смогу. Во втором концерте я сыграю Дворжака, будет дирижировать мой ассистент. А во втором отделении я буду дирижировать симфонию другого моего идола — Сергея Прокофьева, которого я близко и